

«ДЕТСКИЕ ДУШИ калечатся уродливыми отношениями...»

Очерствение детской души — одно из психологических отклонений, которое отмечают сегодня опытные педагоги и психологи. О причинах этого явления психолог Ирина Яковлевна Медведева беседует с Александром Владимировичем Шуваловым — руководителем психологической службы Центра развития творчества детей и юношества «Лефортово», старшим научным сотрудником Московского института открытого образования, кандидатом психологических наук.

— Александр Владимирович, с какой аудиторией вы работаете?

— С детьми и родителями. Возрастных ограничений у нас нет — от младенцев до бабушек. Суть работы заключается в оказании первичной психологической помощи, которая предполагает и диспетчерские функции: если мы видим специальные проблемы, то рекомендуем обратиться к врачу либо к юристу.

— А какие случаи не входят в вашу компетенцию?

— Пограничные расстройства психики, когда в эмоциях и поведении человека нет психологической понятности, когда поступки противоречат здравому смыслу, а человек либо не осознаёт этого, либо признаётся, что не в состоянии управлять собой.

— Разве пограничные состояния не дело психолога?

— Это — дело врача-психотерапевта. В подобных случаях необходимо медицинское освидетельствование.

— Для дифференциальной диагностики?

— Да. Врач должен определить, есть ли медицинская тематика, и дать свои рекомендации. Значительное число проблемных ситуаций, с которыми мы сталкиваемся, отягощены явным медицинским компонентом и (или) социальным неблагополучием семей. Так что психологический аспект часто оказывается вторичным, и помощь психолога — это необходимое, но не достаточное условие решения проблемы.

— Какие тенденции в поведении детей вы замечаете в последнее время? Есть ли некие новые формы психологических отклонений?

— Думаю, что есть, и мы только начинаем их распознавать и осмысливать.

Если говорить о современных тенденциях, то первая, на мой взгляд, связана с притуплением способности к сопереживанию. Я называю это явление «комплексом безродности».

Крайние проявления безродности характерны для «синдрома Маугли» и «социального сиротства». Речь идёт о детях, которые в раннем возрасте оказались лишены человеческой заботы и одичали, и о детях-бродяжках, обитающих в подвалах или на вокзалах. В этих

Наша жизнь есть то, что мы думаем о ней.

Марк Аврелий

случаях очерствение души — одно из условий выживания ребёнка в нечеловеческих условиях.

— Вы в своей практике встречаетесь с такими детьми?

— Нет. Но социально устроенных детей такая тенденция тоже не миновала. Связана она с разрывом связей между поколениями и разобщённостью членов семьи. Проявляется же «комплекс безродности» в чрезмерном своенравии и душевной скупости, утрате чувства здоровой сентиментальности по отношению к окружающим людям, включая родных и близких. Эти особенности с той или иной степенью выраженности мы наблюдаем у значительного числа наших подопечных.

— Какие ещё современные психологические тенденции можно считать знаковыми?

— Австрийский психиатр Виктор Франкл называл «экзистенциальным вакуумом» состояние взрослых людей, не видящих в своей жизни смысла. Сейчас нечто подобное можно заметить и среди детей. Я бы назвал это комплексом опустошённости, который проявляется в апатичности, скептицизме, скудности и приземлённости интересов, следствием чего может стать и моральная распущенность. Есть такой сказочный образ, который хорошо иллюстрирует внутреннюю опустошённость, — Кай в царстве Снежной Королевы. Сердце мальчика, которому в глаз попал осколок разбитого дьявольского зеркала, оледенело, стало невосприимчивым к истинному, доброму и прекрасному. Специалисты замеча-

ют, что современные дети стали менее романтичны. Это тоже одно из проявлений опустошённости.

— Вряд ли можно говорить о каких-то генетических мутациях. В чём, на ваш взгляд, причина опустошённости современных детей?

— Ориентация на вещные блага как на главное мерило качества жизни. Неискушённые, неокрепшие юные души подавляемы и пластичны, поэтому нравы, царящие в обществе, неизбежно накладывают отпечаток на психологию детей. Там, где возникает вакуум, начинают разрастаться деструктивные проявления, которые в своих организованных формах образуют антикультурную среду. К явным формам антикультуры можно отнести криминальные группировки, экстремистские организации, тоталитарные секты, порноиндустрию и проституцию, среду употребления и сбыта наркотиков. Дети, попадая под влияние суррогатных ценностей, оказываются втянутыми в те или иные антикультурные течения. На бытовом уровне ценностно-смысловая дезориентированность часто проявляется в радикальности взглядов, категоричности суждений, ожесточённости и враждебном настрое.

— Правильно ли я поняла, что дети с признаками отчуждения и опустошённости более подвержены отрицательному влиянию?

— В «Снежной Королеве» не составило большого труда «пленить» самонадеянного Кая. А хорошие сказки — это одновременно и отражение жизни, и предостережение на будущее.

— Вы перечислили, как мне кажется, грубые формы дезориентированности. А есть ли более стёртые, менее асоциальные?

— Их можно назвать культами — например, культ достатка и стяжательство, ве-

щизм. Подросток может переживать как личную драму то, что его мобильный телефон не престижной модели, его одежда «неактуальна». Или, скажем, что он не справляет свой день рождения в модном клубе.

— Но можно ли говорить о такой ценностной дезориентированности как об индивидуальном психологическом отклонении? Ведь любой нормальный ребёнок, особенно подросткового возраста, хочет выглядеть «не хуже людей», хочет соответствовать каким-то социальным стандартам. И когда в качестве эталона ему предлагают, например, культ престижных вещей, он подчиняется этому именно как нормальный человек. Парадокс! Патологическое проявление как следствие нормальной адаптивности.

— Не парадокс, а одно из свидетельств того, что жизнь неумолимо усложняется и подбрасывает нам извечные проблемы в новом, ещё более изощрённом виде. Тем более мы должны понимать, что подобные установки и убеждения деформируют личность, препятствуют развитию качественных, дружелюбных, уважительных отношений между людьми. В одном ряду с культом стяжательства стоят культ комфорта и гедонизм (тяга к наслаждениям, стремление к «красивой» и безмятежной жизни), культ успеха, культ силы, культ рации и циничный прагматизм. На этой почве пополняются и клинические группы — от уже известных одержимых работой «трудоголиков» до весьма экзотичных «шопинг»-зависимых (другое название — «магазинный невроз» — страсть к бессмысленным и фактически ненужным покупкам по принципу «я покупаю — значит, я существую»).

Интересно, что должностная инструкция предписывает педагогам-психологам заниматься «профилактикой социальной дезадаптации детей и подростков». Но есть основания говорить о психическом здоровье детей не благодаря, а вопреки тенденциям современной общественной и культурной жизни в нашей стране. Сегодня понятие «контролируемая неадаптивность» приобретает новый, позитивный смысл, например, как устойчивость к воздействиям средств массовой информации, рекламы, PR-технологий, как проявление личной позиции.

— Но тогда не обрекаем ли мы ребёнка на положение «белой вороны» и тем самым на психологический травматизм? Как с этим быть?

— Ребёнок, который в своей семье не чувствует себя одиноким, уже защищён от «комплекса белой вороны». К слову, скрытая природа вещизма — это компенсация ущербных отношений с близкими. Воспитание в любви и достоинстве — условие психологического благополучия современных детей. Конечно, взрослым необходимо определяться с ценностными приоритетами в воспитании. Если хотя бы в семье они вняты и неразрывны с образом жизни, ребёнок будет более устойчив к искушениям.

— Но в подростково-юношеском возрасте семья уходит на второй план, а на первый выходят общение со сверстниками и отношения с противоположным полом. И что тогда?

— К этому возрасту мировоззренческий фундамент, как правило, уже заложен. Приближается время самостоятельного выбора, определения собственных предпочтений. Если в семье прочные отношения и доброжелательная атмосфера, если старшие сумели своевременно перестроиться и, сохранив контакт с младшим, стать для него интересным собеседником и доверенным лицом, это уже немало. Подростки вполне самостоятельны в своих взглядах и оценках. Если они были приобщены к верному и доброму, если существует устойчивая духовная связь с родителями, — это самый сильный фактор, оберегающий их от пагубы. Именно об этом Ф.М. Достоевский писал в «Братьях Карамазовых»: Ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее воспоминание, вынесенное ещё из детства, из родительского дома: если набрать таких воспоминаний с собой в жизнь, то спасён человек на всю жизнь, но и одно только хоро-

шее воспоминание, оставшись при нас, может послужить нам во спасение.

Мы говорим: «Уча, учимся».
А если бы врачу пришло в голову оперировать пациентов, чтобы таким образом учиться?

От редактора

— **Итак, вы обозначили три аномальные тенденции личностного развития современных детей — это комплекс безродности, комплекс опустошённости и ценностно-смысловая дезориентированность.**

— Всё правильно. Думаю, что взрослые сегодня недооценивают эти феномены. Наверное, потому, что они не очевидны в своих проявлениях, а их последствия чаще бывают отсрочены во времени — как в отношении самого взрослеющего человека, так и в отношении окружающих его людей.

— **Не могли бы вы рассказать об этих последствиях?**

— Начну с опустошённости. Она рано или поздно приводит к падению жизнеспособности: сначала это меланхолия, потом — депрессия, общее снижение тонуса и интереса к жизни вплоть до суицидального поведения. И всё потому, что нет того, ради чего стоило бы жить, нет того, чему хотелось бы отдавать свои силы, нет того, чему стоило бы служить.

— **А каковы последствия «комплекса безродности»?**

— Пожалуй, это чувство одиночества. Причём не ситуационного одиночества, которое может посетить каждого, а постоянно сопровождающее человека, становящееся доминантой его мироощущения и не дающее ему возможности почувствовать себя счастливым, то есть причастным к жизни других людей — как ближних, так и дальних. Ведь «счастье» — это *соучастие*, встреча... Такие люди пытаются заглушить своё внутреннее одиночество алкоголем, наркотиками, стяжанием,

азартными играми, тем самым медленно уничтожая себя и физически, и духовно.

— **И, наконец, чем грозит в будущем ценностная дезориентированность?**

— В этом случае человек занимает разрушительную позицию уже не только и не столько по отношению к собственной жизни, сколько по отношению к жизни вообще, становится «агентом», проводником антикультуры, живёт и действует по принципу «ничего святого»: за счёт других, в ущерб другим, против других.

— **Александр Владимирович, а можно задать вам более частный, но волнующий многих вопрос? Какие изменения вы, практический психолог, наблюдаете у детей, увлекающихся компьютерными играми? Ведь сегодня для многих ребят это значительная часть досуга.**

— К сожалению, для всё большего числа детей и подростков компьютерные игры становятся фактором, искажающим их развитие. Впервые мы — я и мои сотрудники — лет десять назад отметили почти одержимое увлечение детей игровыми телевизионными приставками. (Тогда ещё компьютеры были менее доступны.) В последние годы появились весомые основания говорить об этом как о новой форме патологической зависимости.

— **А почему, собственно, увлечение компьютерными играми надо называть зависимостью? Ведь когда дети играют, скажем, в шахматы, в лото или в футбол, никому и в голову не приходит говорить о зависимости. В чём принципиальная разница?**

— Во-первых, в том, что и шахматы, и лото, и футбол — это социальные формы досуга, они предполагают партнёра или партнёров, то есть живое общение с другим человеком. Во-вторых, увлечённость компьютерными играми проявляется, как минимум, в виде *пагубной при-*

вычки, которая при попустительстве родителей быстро перерастает в болезненное психическое состояние.

— **Поясните, что такое пагубная привычка и чем она отличается от хорошей.**

— Пагубная привычка отвлекает от необходимых для нормального развития видов деятельности — учения, домашнего труда, общения со сверстниками...

— **Но любая игра, те же шахматы или тот же футбол, отвлекают от других полезных видов деятельности, прежде всего от учения.**

— Дело в том, что игры, как настольные, так и дворовые — спортивно-состязательные и ролевые, — тоже являются необходимым условием нормального развития ребёнка. Они ведь неотделимы от общения со сверстниками, предполагают труд и преодоление, служат своего рода гимнастикой для тела, ума, воли и чувств взрослеющего человека. А пагубная привычка, расширяя свои полномочия в жизни ребёнка, вытесняет в том числе и здоровые детские игры. Постепенно она начинает доминировать настолько, что препятствует даже жизненно необходимым потребностям ребёнка — таким, как сон, еда, прогулки на свежем воздухе. Что, в свою очередь, подтачивает здоровье.

— **С пагубной привычкой мы разобрались...**

— Я-то на самом деле уже приступил к разбору болезненных состояний. Пагубная привычка ограничивает возможности ребёнка в развитии и занимает промежуточное положение между здоровьем и болезнью. Да разве можно провести чёткую грань между пагубной привычкой и психологическим недугом?!

— **А как проявляется компьютерная зависимость в поведении детей?**

— Это падение познавательных и социальных интересов, снижение учебной мотивации — и, как следствие, резкое падение успеваемости, сворачивание дружеских контактов. Ребёнок готов день и ночь сидеть за компьютером и бурно протестует против любых попыток хоть как-то его в этом ограничить.

— **Значит, он становится ещё и агрессивным?**

— Точнее сказать, он становится крайне раздражительным, вплоть до агрессивности. Всё это негативно сказывается на его функциональном состоянии. Работоспособность — и интеллектуальная, и физическая — резко снижается, потому что длительное сосредоточение на плоскости компьютерного экрана сильно перегружает зрительные анализаторы, а через них оказывает угнетающее воздействие на нервную систему в целом, отнимая ресурсы, необходимые для умственных занятий и общения. Хочу подчеркнуть, что у детей, увлечённых агрессивными играми-«стрелялками», наблюдается также девальвация ценности всего живого. Это можно определить по их рисункам, по суждениям, по свидетельствам родителей. Число такого рода примеров, увы, растёт с пугающей быстротой, и есть все основания утверждать, что «кибер-мания» приобретает характер своего рода эпидемии.

— **Каковы наиболее распространённые ошибки родителей в подобных ситуациях?**

— Сначала это попустительское отношение со стороны родителей, когда они не придают значения страстному увлечению ребёнка, — или, более того, используют компьютерные игры в качестве поощрения, например, за хорошие оценки в школе. Позднее, когда незаметно утрачивается контроль над ситуацией, растерянные родители признаются в своём бессилии перед поведением ребёнка. Надо понимать, что предупредить проблему легче, чем её преодолеть. Для этого родителям нужно своевременно проявить здравый смысл, терпение и волю. Преодоление зависимости — это болезненный кризис и испытание не только для ребёнка, но и для всей семьи.

— **У вас, насколько я знаю, есть исследования, посвящённые критериям**

психологического здоровья детей. Кажется, они основаны на представлении, что любовь — это универсальный способ реализации человеком своей сути. Правильно?

— В общем, да... На саму эту идею меня навели работы крупнейшего современного психолога, моего учителя Виктора Ивановича Слободчикова. Опуская научно-методологические подробности во-

Юношам часто кажется, что они естественны, в то время как на самом деле они невоспитанны и грубы.

Ф. Ларошфуко

просы, можно утверждать, что психологию здорового ребёнка (да и взрослого!) отличают жизненлюбие, трудолюбие, любознательность и человеколюбие (или, если более широко, миролюбие). Оценивая состояние и поведение киберзависимого ребёнка, мы вынуждены констатировать поражённость по всем четырём параметрам. На смену четырём базовым критериям нормы приходит обесценивание всего живого, включая себя самого, вплоть до потребностей своего организма; атрофия привычки трудиться и находить в этом удовольствие; падение познавательных интересов и игнорирование учебной деятельности; замкнутость на себе, равнодушие и холодность к людям. Ребёнок, срастаясь с компьютером, постепенно превращается в безвольную биологическую машину, по существу — в придаток к компьютеру.

— А можно ли киберзависимых детей реабилитировать? Вернее сказать — спасти?

— Что значит «можно»? Необходимо! Без этого наш разговор лишается смысла. Эта сложная задача требует сложения усилий. Усилий всех взрослых — родителей, педагогов, психологов, врачей. И даже... производителей и распространителей компьютерных игр.

— А что они должны делать? Не производить и не распространять?

— Сомневаюсь, что они прислушаются к такому призыву, но, может быть, кто-то из них призадумается. На их благосклонность нам, пожалуй, не стоит рассчитывать.

— То есть игры никуда не денутся. И что же тогда? Может, строго запрещать?

— Каждый родитель должен сам определить свою позицию: запрещать или «дозировать». Справедливости ради замечу: детские души калечатся прежде всего уродливыми человеческими отношениями. Испытывая недостаток заботы и воспитательной мудрости со стороны старших, младшие находят утешение в пагубном, в том числе и в компьютерных играх. Поэтому одними только запретами проблему мы не решим. **В.Ш**